ПОЕЗДКА НА БАЛКАНЫ

**Поиски
путей**

Сколько чудесных мест на земле! Сколько открытий дают человеку поездки, встречи, беседы, познание новых земель и новых людей!

Я никогда не был ранее на Балканах. После возвращения из Югославии, Болгарии и Румынии в памяти встает образ цветущего, плодоносного края, населенного сердечными и мужественными людьми, для которых труд — главное дело жизни, а национальная свобода дороже всего.

Многое сделано в странах, где мы побывали, за 10—12 лет жизни для себя. С чувством гордости здесь говорят о новых университетах, показывают дворцы культуры, народные библиотеки и музеи; реально ощущается рост промышленности, и герои труда работают в счет грядущих десятилетий.

Тяга народа к культуре огромна. Честно сознаюсь, мы завидовали порою, что театры Югославии, Болгарии, Румынии посещает такая замечательная, полная огненного темперамента и вместе с тем организованная и дисциплинированная публика. С удовольствием мы осматривали новые театральные здания и слушали рассказы актеров, как они помогали эти здания возводить.

Народная власть стремится создать наилучшие условия для интеллигенции, для ее творческой деятельности. В Югославии в настоящее время 65 профессиональных театров; до освободительной войны их было 14. Значительно выросла сеть театров в Болгарии и Румынии. В королевском дворце, в центре Бухареста, расположена Национальная художественная галерея, имеющая прекрасные коллекции и немало подлинных шедевров. Царский дворец в Софии также отдан Национальному художественному музею. Лучшие санатории предоставлены работникам искусств. Нередко они расположены в бывших загородных резиденциях царей и королей.

Невольно возникает вопрос: что же интеллигенция отдает народу взамен? Что она сделала для развития своей национальной культуры, для строительства социалистической культуры за эти 10—12 лет?

Во время нашего путешествия состоялось немало творческих встреч и бесед. Мы чувствовали, что о нас знают многое, но далеко не все и далеко не точно. В свою очередь мы пытались получить как можно больше реальных представлений о спектаклях, картинах, фильмах, музыкальных ансамблях.

О настроениях, о думках интеллигенции и хочется рассказать.

В сложных условиях строительства новой жизни интеллигенция ищет путей к народу, стремится определить и понять новые закономерности, отличающие социалистическую культуру от прежней. Процесс это не легкий, и в разных странах он протекает по-разному. Старое уступает место неохотно, и острая идеологическая борьба дает себя знать на каждом шагу. Особенно заметно это в искусстве. Отнюдь не прямым путем движется искусство вперед на Балканах, в частности в Югославии.

«Консерваторы» Рабочий день в Белграде начинается и кончается рано. В теплые вечера часов с пяти весь город высыпает на улицы. Центральные проспекты превращаются в аллею прогулок. Сотни людей сидят за столиками кафе, которые вынесены на тротуары.

В такие часы в Югославии любят поговорить. Мой собеседник, писатель и театральный деятель, человек с седеющей головой и добродушно-лукавой улыбкой, начал разговор с шуток.

— Вот мой противник, — указал он на другого писателя, сидевшего за столиком напротив.

— Как противник? Я часто вижу вас вместе!..

— Ну что же, мы противники и вместе с тем друзья. Только я хожу в консерваторах, потому что стою за реализм, а он новатор, так как пишет малопонятные стихи. Но живем мы дружно и состоим в одном союзе писателей.

Уловив подходящий момент, деликатно осведомляюсь, каким тиражом издаются обычно модернистские стихи. Мне сообщают — в среднем 1 500 экземпляров, ибо далеко не многие читатели дошли до понимания новаторской поэзии... Творчество реалистов, так называемых «консерваторов», привлекает гораздо более широкое внимание.

С другим видным деятелем югославской культуры я весьма охотно поэтому разговорился о творческих устремлениях интеллигенции, о ее взглядах на задачи искусства. Разговор постепенно превратился в дружеский спор, поскольку у нас выявились известные различия во взглядах.

Настроения и мысли моего собеседника, как я потом убедился, довольно характерны для известной части югославской интеллигенции. Новаторство она, эта часть, понимает примерно так, как понималось оно у нас в двадцатых — начале тридцатых годов людьми, выступавшими против реализма, который они считали наследием отжившего прошлого. Отрешенность от реальной жизни и незаинтересованность в постановке определенных идейных проблем создавали, по мнению моего собеседника, абстрактному искусству известные преимущества в решении чисто творческих задач.

С этих позиций защитник «чистого искусства» критиковал мхатовский спектакль «Кремлевские куранты». Восхищаясь мастерством актеров, он указывал на жанровую неопределенность пьесы и стремился доказать, что ее главный недостаток — в наличии двух героев и в отсутствии трагического по своему исходу конфликта между Лениным и Забелиным. Это якобы уступка идейной стороне за счет художественной.

Но как же быть, возражал я, если история не дала оснований для трагического конфликта: ведь лучшая часть русской интеллигенции в первые годы революции стала на платформу советской власти и внесла огромный вклад в строительство социализма. И чем же, далее, объяснить триумфальный успех «Курантов» в Белграде, в частности среди интеллигенции и студенчества? Разве идейное содержание пьесы не определяет силу ее воздействия на аудиторию наряду с мастерством актеров и режиссуры? Разве форма не должна быть подчинена наилучшему выражению жизненного содержания?

Собеседник признал, что народ привлекает удачно воссозданный образ Ленина.

Надо, следовательно, думать об искусстве, способном поднять народ, продолжать я разговор. Но кого может привлечь абстрактное искусство, недоступное и непонятное народу? Вспомнил разго-

А. СОЛОДОВНИКОВ

вор с одним скульптором-модернистом. Когда я выразил желание посмотреть выставку его работ, скульптор со смущением попросил не ходить — все равно, мол, до вас не дойдет. На кого же рассчитано абстрактное искусство?

Собеседник стал говорить об опасности постановки вопроса в такой плоскости: народ не поймет или народ не примет. Народ, по его мнению, стремится к искусству примитивному. А «чистое искусство» хочет парить над жизнью и над народом.

В этих взглядах не было ничего принципиально нового, но мне хотелось все же лучше выяснить позиции современных сторонников «чистого искусства». Мы затронули в дальнейшем много важных тем: о росте культурных интересов у простых людей, об умении воспитывать вкусы народа и вести его за собой, а главное — о национальной основе подлинного искусства. Мне приходилось видеть выставки абстрактного искусства во многих странах, и всегда при этом поражало одно: не поймешь, где француз, где канадец, где серб, не поймешь, о какой стране идет речь в художественном произведении. Дух космополитизма господствует в этом случае, все обезличивая и уничтожая драгоценное в искусстве — его национальную самобытность.

Не очень настойчиво мой собеседник доказывал, что и в искусстве модерна возможны национальные различия. Он призывал нас, советских людей, не бояться абстрактных исканий, преодолеть узость нашего искусства, которое в его представлении было однообразным и лишенным печати творческой индивидуальности, и главное — «дать свободу талантам». Впрочем, он тут же признал, что спектакли МХАТ заставили его изменить представление о советском театре, а кроме того, от югославских критиков, приехавших из СССР, он с удивлением узнал, что и в Москве есть, оказывается, «модерн-спектакли». При этом была сделана ссылка на «Клопа» и «Баню» в Театре сатиры.

Мы всегда ищем новое, отвечал я, только нам хочется, чтобы новое было лучше старого. В свое время мы пережили болезнь формалистического «новаторства». Многие из того, что делается в искусстве Югославии, для нас — пройденный этап. Мы ищем теперь широких, а не узких путей в искусстве, но для этого не надо звать назад, а лучше — глядеть вперед. В творческих произведениях главное — правда жизни и подлинный дух времени. К этому мы и стремимся. А «Клопа» и «Баню» отнюдь не исключаем из сферы реалистического искусства.

Вообще, мне показалось, что сколь угодно серьезной жизненной и тем более социальной базы абстрактное искусство и всякие модернистские течения в Югославии не имеют. Это скорее пережитки, остатки того отрыва творческой интеллигенции от народа, искусства от жизни, который характерен для капиталистических стран и который пустил корни в Югославии в период, предшествовавший народной революции.

Западный ветер

Вскоре я получил реальное представление о плодах модернистских исканий.

В Загребе мне удалось попасть на выставку современной югославской живописи и скульптуры. Ходил я по залам и невольно вспоминал Париж, где нечто подобное представленному здесь было выдано и перевидано много раз. Трудно понять идеи, вдохновлявшие художников. Полный отрыв от жизни, от национальной почвы, бледные плоды болезненной фантазии, отсутствие содержания и распад формы. Невозможно передать смысл или эмоциональный характер отдельных работ. Вот бежит обнаженная женщина с острыми пирамидами там, где должна быть грудь, с чудовищно толстыми ногами и почему-то без головы. Вот портрет с зеленым пятном вместо носа и пустыми впадинами глаз. Вот пейзаж, при виде которого вспоминаются работы начинающих любителей живописи.

Характерно, что редкие таблички с надписью «куплено» притаились там, где было хоть какое-то содержание. Сугубо абстрактные работы покупателей не привлекли. В выставочных залах царил паразитический вакуум.

На представлении «Зимней сказки» Шекспира в Загребском драматическом театре людей было достаточно. Однако я не чувствовал, чтобы они получали удовольствие. Что-то здесь напоминало атмосферу выставки. Сложное, богатое мыслями и образами произведение великого драматурга здесь высохло и поблекло. Спектакль был похож на увядший букет или высохшую ветку прекрасного дерева. Скелет сохранился, но плоти и крови никто не чувствует. Условные, графически плоские декорации с помощью бесхитростных, незначительных изменений изображали то королевский дворец, то зал судилища, то берег моря, то двор пастуха. Так же условно актеры передавали гнев, ревность, жестокость, страдание — самые бурные человеческие страсти. Спектакль как бы перенесли из объемных трех измерений в плоские два, перенесли сознательно, нарочно, без попытки использовать в полную меру возможности талантливых актеров.

Зрители же были на редкость дисциплинированы и... спокойно-холодны. В стране много отличных театральных коллективов. Большие возможности имеет и театр, где мы видели «Зимнюю сказку». Мне показалось, что в стремлении этого театра сделать «Зимнюю сказку» не так, как у других, есть нечто надуманное, не вызванное велениями жизни, запросами зрителей или органической потребностью творчески развивающегося театрального коллектива. Умствования и равнения на западную моду в этом новаторстве гораздо больше, чем подлинно эмоционального влечения.

Искусство — народу

Мы видели и другие спектакли югославских театров, где публика жила, волновалась, любила и ненавидела вместе со сценой. — В Народном театре Белграда спектакль «Господа Глембаевы», принадлежащий перу современного драматурга Мирослава Крлежа. Мхатовцы были захвачены великолепным реалистическим мастерством актерского ис-

полнения. Действие пьесы происходит в 1913 году, в семье банкира. Обстановка и образы, далекие нам. Но на сцене мы ощущали настоящие человеческие страсти, целое море переживаний, тончайших психологических нюансов. И это волновало, заставляло верить в правду показанного, с напряжением ждать развязки трагического конфликта.

Невольно приходилось сравнивать разные спектакли, разные направления в театральном искусстве. Никакие «высоты» модернистской поэзии или загадочные пятна и полосы, выдаваемые за живопись, бесформенные массы гипса, именуемые скульптурой, никакие «модерн-спектакли» не могут пробудить в широких массах зрителей такое обилие мыслей и чувств, как подлинная правда жизни, воплощенная реалистическим талантом художника.

На основе бесед и впечатлений, на основе того огромного интереса, который был проявлен к спектаклям Художественного театра, хочется высказать убеждение, что девять десятых югославской интеллигенции, не говоря уже о широких массах народа, поддерживают реализм в искусстве и вежливо, но равнодушно наблюдают за попытками некоторых новаторов перенести на югославскую почву самоновейшие «измы», принесенные западным ветром.

Я достаточно хорошо понимаю, что вся предыдущая история Художественного театра определила такой повсеместный и всеобъемлющий интерес к его спектаклям. И все же никакие уверения модернистских критиков по поводу «консерватизма» «Трех сестер» и «устарелости» МХАТа не могли создать стены между нашим театром и интеллигенцией. Мы видели актеров, которые бывали на спектаклях ежедневно и каждую пьесу смотрели по нескольку раз. Многие режиссеры гордились тем, что они ученики Станиславского. Мы сочувствовали директору, который жаловался, что во время представления «Трех сестер» молодежь, не имевшая билетов, штурмовала здание театра. Сквозь все кордоны в зал прорвалось около 300 человек.

Не один раз в Югославии приходилось выслушивать мнения, согласно которым метод социалистического реализма рассматривался как одно из нежелательных последствий культа личности в искусстве. Социалистический реализм до сужие противники его в своей пропаганде превращали в нечто, подобное казарме для искусства, где должны были якобы выращиваться однообразно-серые или парадно-трескучие произведения, лишенные связи с реальной жизнью. Как раз по поводу спектакля «Кремлевские куранты» мы наблюдали наибольшее количество преубеждений. И именно на этом спектакле зрители, сознание и сердца которых были открыты истине, переживали сильнейшее потрясение. Зрители убеждались, как мало мрачная легенда похожа на реальную действительность.

Можно было бы поговорить об исторической узости, об идеалистической основе подобных взглядов. Но здесь не место теоретическим изысканиям. Мы убедились в другом: творческие деятели Югославии, собиравшиеся на реалистическом искусстве поставить крест и видевшие свой революционный долг в поддержке модного «новаторства» на западный манер, еще и еще раз задумывались о правильности своей идеологической позиции, столкнувшись с настоящим реализмом, а не с его извращениями. А задумавшись, они поймут, вероятно, что их действительный революционный долг — помочь искусству найти пути к народу. Искусство, оторванное от жизни и народа, так же бесполезно, как книга, не нашедшая читателя.

В наше нелегкое для развития искусства время хочется утвердить одну мысль: искусство социалистического реализма не только не исчерпало себя, но лишь начинает осознавать свои небывало богатые возможности.